

В. Новиков

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЧЕШИРСКОГО КОТА
(реплика в уголке рекламной афиши)

"Над вымыслом сиезамы
обольюсь..." /А.С.Пушкин/

Критику, исследователя и иному "-веду", занимающемуся со-
временной ему областью "-веденья", как правило, наибольшие труд-
ности доставляют сами авторы этой области. Естественно, что каж-
дый исследователь имеет свои пристрастия и антипатии, и даже аб-
солютный объективизм не может изменить это положение вещей. При-
страстия и антипатии - при совершенно равных отношениях исследо-
вателя со своими современниками - принято обозначать умолчанием.
Скажем, к какому-то ряду авторов критик обращается чаще, посколь-
ку они созвучны ему в чем-то важном и принципиальном, в то время
как другие авторы, с которыми он поддерживает не менее, - а иной
раз и более - интенсивный контакт, проходят по периферии его вни-
мания.

Но в живой действительности критик нередко попадает в до-
вольно некотливую ситуацию: автор, "несозвучный" ему, но тем не
менее поддерживающий с ним в быту житейский контакт, обращает-
ся с заказом на написание статьи - рекламной, буклета для выс-
тавки, к эскизу, либо потому, что возникает желание "пропеча-
таться" и пр. Ох, как нелегко порой сказать "нет", как трудно
убедить автора в том, что материал о нем - с шербинкой, что даже
при самой добросовестной подаче не удастся избежать вымученности
и натянутости, что даже стиливые огрехи - возможные и в публика-
ции о "созвучном" - будут вызваны не невозможностью (попро-
буйте себе представить признание в любви, написанное каллиграфи-
ческим почерком, без поправок, без стиливых шероховатостей), а
этой самой вымученностью! В таком случае должно помнить хотя бы
об ответственности историка, чтобы в будущем не пришлось крас-
неть за заказ, выполненный когда-то холодной рукой ремесленника.

Подобные мысли пришли мне в голову при чтении заметки Вик-
тора Антонова о творчестве художника Илья Рыбакова в разделе
"Галерея" 58-го номера "Часов". Не исключая, что мое обращение
к этому материалу вызовет оживление внимания тех читателей, ко-
торым известно о конфликте "Иоликов-Рыбаков" в Товариществе экс-
периментального изобразительного искусства, о жесточайших "мор-
ддрамах" на собраниях ТЭИИ с осени 1984 или по весну 1985 года
и т.п. Не вижу необходимости играть в академическую бесстраст-
ность в тех случаях, когда "признания в любви" достаточно полно

выражены, и настаиваю на критике подчеркнута страстной и даже пристрастной. Ибо объективистская оценка неявно предполагает, что оценивающий — пусть даже в самой смиренной форме — претендует на истину в конечной инстанции; и слушающему его приходится вносить изрядные поправки, чтобы, определив-таки меру его субъективности, докопаться до сути самих высказываний. Субъективное мнение в этом отношении честнее и предлагает менее окольный путь, сразу же заявляя: вот то, что я считаю "черным", а вот то, что по моему глубокому убеждению, "белое", вот перед вами мой координатная ось, мой система исчисления, — благодаря чему ее перевод в системы других исчислений предельно обнажен и не составляет труда.

Не скрою, что в указанной заметке из 58-го номера "Часов" меня чрезвычайно поразило сочетание двух, с моей точки зрения, в высшей степени несочетаемых имен: В. Антонов и Ю. Рыбаков. Внимательное прочтение текста привело меня к выводу, что в нем практически отсутствуют оба; вернее присутствуют отдельные фрагменты того и другого, но целых фигур из них не получается, как не удалось бы реконструировать Чеширского Кота по его исчезающей улыбке.

Впрочем, несколько домысливая хрустально-хрупкую схему заметки В. Антонова, кое-какие "чеширские улыбки" удастся воссоздать до их реального прототипа. Например, "У Рыбакова, уви, цвет зачастую делается условной раскраской, на удивление банальной и упрощенной", "колористический вакуум", "цвет, воспринимаемый пока (?!) как отсвет (?!) всепроникающего дизайна" или "когда он берется за более насыщенный сюжет, то ему приходится двигаться тривиальным путем расхожего сюрреализма, довольствуясь нехитрым набором уже отработанных элементов". Невольно вспомнился обмен репликами из "Воспоминаний о "Мире искусства" К.С. Петрова-Водкина: "Серов, проходя мимо одной из скульптур Бориса Михайловича, бросил исподлобья: замечательно, даже из бронзы умеет картонку сделать, этот Кустодиев. Случившийся возле Бакст продолжал: он также замечательно из цвета краску делает..." Эта сама "краска", которую шепелявивший Бакст называл "краской", для В. Рыбакова действительно — столь же устойчивая примета, как таковая улыбка для Чеширского Кота. Следует отметить, что в указанных моментах проглядывают не только Ю. Рыбаков, но и В. Антонов — своим профессиональным взглядом на мир творчества, своей человеческой честностью своей прямотой, открытостью, нелицеприятием...

На этом узнавание того и другого кончается. Далее, несмотря на нарастание объема эпитетов и метафор, конкретность субъекта

и объекта описания начинает размываться, таять... Над мифологизированной моделью порхает чеширская улыбка. Автор начинает убеждать читателя, что объект его описания - не просто элементарная бездарь, но нечто с намыленной, на которой со временем прорастет животворящая лоза. В качестве подспорья для чеширской улыбки используется такого рода бунтующий пассаж: "хотя в картинке нет мечтательной дымки, а, напротив, царят суровые, сухозвучные, жестко-конкретные тона, она все-таки погружена в прохладно-легкий поток, тихо льзущий в далекую, светозарную и надмирную за-пределность...", "лаконично-метафорически", "отвлеченно-философский замкнут", "метафизический символ", "гносеологические основы", "акме", "философски интерпретируя сюжет", "восточная медитативность", "многообразие восприятия" и т.д. Впрочем, эти красоты перебиваются более трезвыми оговорками: "псевдо-романтическая притча", "умозрительная конструкция, рассудочно-логичная, рассчитанная на иллюстративный эффект", "эмоционально-условная /о композиции - Д.Н./, уложенная в сюрреалистическую или символистическую упаковку"... О метафизическом тумане, которым автор заметок пытается прикрыть довольно-таки скудную натуру, хочется сказать его же словами: "Граница между эдемским и каким-то иным миром - очень зыбкая и неопределенна, и в воображении зрителя /в моем контексте - читателя . Д.Н./, как на качелях, постоянно переносится из одного в другой". В пределах небольшой (чуть более полутора страниц) заметки возникает ощущение чрезмерной нагруженности, надуманности, вымученности текста, ясно угадывается сопротивление метафор, и философских терминов - примитивности объекта рассмотрения. Автор, пытаясь растянуть крошечную шкурку на необъятном прокрустовом ложе своей искусственной концепции (надуманной? честно отработываемой в силу данных обязательств?), насилует себя даже при конкретном пересказе сюжета: "например, "Александрийский столп". Хорошо знакомый посетителю увиден в необычном ракурсе: снизу вверх и чуть сбоку..." Можно подумать, что остальные смертные взирают на столп сверху вниз или наоборот!

Отчего же на такую опытную и бывалую "старуху", как Виктор Антонов", нашла такая проруха? Отчего искусствовед, известный своим профессиональным взглядом и оценкой, начинает вдруг говорить так неточно и выспренно?

На мой взгляд, роковую роль здесь сыграл заказ. Заказчик, то есть Д.Рыбаков, буквально устроил осаду В.Антонову, вырвав

у того обещание написать статью о его "творчестве". Какое-то время Антонову удавалось уклоняться, но заказчик был начеку и бил на совесть. А ведь сердце у критика — твердое, но не каменное. Через несколько месяцев осады Антонов сдался... заказчик получил обещанную рекламу, которая запечатлела его для "Истории" — ибо и малотиражные "Часы" со временем, безусловно, станут историческим документом. В отличие от прежних времен современный заказчик прекрасно осведомлен, что реклама — двигатель тор... промышленности, культуры, и что немалое мастеров прошлого и настоящего оставалось неизвестным за пределами узкого круга, пока о них не появлялось что-нибудь письменное (пусть даже на плохой бумаге и подслеповатым машинным шрифтом). И заказчик принимается действовать вполне по-мицурински: ничего ждать милости от критики, взять ее за грудки — наша задача!

Если мотивы заказчика предельно ясны, то мотивы специалиста такого класса, как В. Антонов, не вполне. Наверняка, присутствует в них и жалость: "сидел", "пострадал" — что вполне в русском национальном духе, и грех такую черту осмеивать. Но есть и другой момент: Антонова подкупил христианский мотив в последних работах В. Рыбакова. Заказчик их продал, а исполнитель замером пожелал ими купиться. При этом он постарался закрыть глаза на то, что у заказчика — это лишь эпизод "поисков", забыл, что даже искренняя идея превращается в жалкую профанацию, если за ее исполнение берется человек, лишенный дара. Это противоречие В. Антонов, несомненно, чувствовал.

Не могу не высказать своего глубокого сожаления, что приходится выставлять против Антонова обвинения. Скорее всего, я бы ограничился недоуменным пожатием плеч, если бы не одно обстоятельство, которое и послужило причиной написания данной реплики. Дело в том, что направляя перо В. Антонова, В. Рыбаков пытается изказать нашу художественную микроисторию, отретушировать ее... Если не воспрепятствовать этому сейчас, наша снисходительность поощрит будущих рыбаковых на более смелые шаги.

Помню, как весной 1984 г., когда я и В. Рыбаков были еще в "одной упряжке" и последующие разногласия давали лишь первые трещинки, я опубликовал в "Часах" отчет об очередной выставке ТЭИИ, в котором отнес В. Рыбакова к эшелону "третьей волны" художественного движения. Деление на эшелоны проводилось не по формальному, возрастному признаку, а по принципу вхождения в круг художественно-организационной деятельности. На эту классификацию ^{не} обиделись

такие зрелые (и по мастерству, и по возрасту) соседи В. Рыбакова по эшелону, как А. Розин, Е. Ухналев, Е. Орлов, В. Воинов и др. При очередной встрече В. Рыбаков со "сдержанным укором" обратился ко мне: "Ты все-таки неправ, отнесся меня в этот эшелон - ведь начал я задолго до "Газа и Невского"! Этот почти забытый эпизод вспомнился мне при чтении биографической справки, написанной Антоновым явно со слов заказчика: "В 1969 участвовал в небольшой групповой выставке в кинотеатре "Молния", закрытой через десять дней по требованию члена правления КОСХа Ветрогонского". Теперь понятно, откуда пошли все эти "Газы и Невского"? И далее: "В декабре 1972 дал свои работы на большую экспозицию дизайна в гаванском павильоне, торпедированной в конце концов властью". А ведь до "Газа" невозвратливой неофициальной ответственности еще целых два года приходилось тямуть лямку, в то время как рядом, в двух шагах, находился Юлий Рыбаков! Помстине, *qualis artifex pereo!* Правда, ни тогда, ни сейчас, несмотря на поиски свидетелей и свидетельств, не удалось найти ни следов выставки в кинотеатре "Молния", ни того, что она дала "граду и миру"...

Не менее интересен следующий пассаж: "Четырьмя работами был представлен на выставке в д/к "Невский" летом 1976, а осенью того же года после нескольких диссидентских акций был арестован и осужден". Тут стоит остановиться. Как известно, памятная выставка в д/к "Невский" состоялась осенью 1975, но В. Рыбакова на ней не было, что подтвердят все участники. Впрочем, мне и самому довелось вместе с женой составлять ее каталог - В. Рыбакова в нем ни в малейшей степени (даже под псевдонимом) не прослеживается. Однако попытка участия была. Игорь Иванов вспоминал, что В. Рыбаков действительно приносил какие-то холсты и картонки, но выставком (организационное ядро и присоединившиеся к нему участники выставки) не принял их из-за явной беспомощности.

С трудом вспоминаю эти почеркушки, висевшие на стенах изартиры Юлии Вознесенской рядом с "поп-артом" из почивших горшков тогдашнего Боба Кошлякова. Если в 1969 году он "шисла" так же, то вполне понимаю Ветрогонского, потребовавшего закрыть выставку в к/т "Молния"!

Возможно, что в 1976 г. В. Рыбаков "четырьмя работами" был представлен на какой-то другой выставке в д/к "Невский", но кто с ней что-либо знает? Зато в соседстве близкой даты и упоминания

д/к "Невекий" скрывается вполне определенный смысл. И в самом деле, "иных уж нет, а те далече..." Время проходит, стирает детали из памяти свидетелей, и порой подобного сближения оказывается достаточно, чтобы за дымкой и естественной абберацией времени не только несведущий читатель, но и очевидец подумал: "А может и действительно... мальчик-то был?".

25 февраля 1986 г.